

Лэ́йни Тейло́р

Лэйни Тейлор

ДОЧЬ
дыма
и костей

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т29

Laini Taylor
DAUGHTER OF SMOKE & BONE

*Печатается с разрешения Little, Brown and Company,
New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.
All rights reserved.*

Тейлор, Лэйни.

Т29 Дочь дыма и костей: [роман] / Лэйни Тейлор; пер.
с англ. О. Корчевской. — Москва: Издательство АСТ,
2019. — 416 с. — (Бестселлеры молодежного фэнтези.
Лэйни Тейлор).

ISBN 978-5-17-112596-7

По всему миру ангелы сходят с небес и, прикладывая огненную ладонь свою, оставляют символ на дверях...

В пыльной темноте старой лавочки ужасное создание собирает ингредиенты для черных ритуалов темной магии.

А по запутанным переулкам Праги Кэроу - студентка-художница, спешит на занятия. Она рисует в альбоме чудовищ — и все думают, что они лишь плод ее воображения. Она говорит на многих языках — но не все из них человеческие. У нее ярко-голубые волосы — но это не результат модной краски. Кэроу постоянно исчезает по таинственным «поручениям». Кто же она? И какая роль ей предстоит в грядущей войне между Светом и Тьмой?

**УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-112596-7

© Laini Taylor, 2010

© Школа перевода В. Баканова,

перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Как-то раз ангел и дьявол
влюбились друг в друга.*

Ничем хорошим это не кончилось.

ИСПУГАТЬ НЕВОЗМОЖНО

Шагая по запорошенной снегом мостовой, Кэроу не мучилась мрачными предчувствиями. Обычный день, ничего особенного. Если не считать того, что понедельник — да к тому же январский. Зябко, темно — в зимнюю пору солнце появляется не раньше восьми, — зато какая красота вокруг! Раннее утро и снегопад сделали Прагу призрачной, как на старинных фотографиях — размытых и серебристых.

По оживленной набережной с грохотом проносились трамваи и автобусы, знаменуя начало нового дня двадцать первого века. А безлюдные переулочки, заснеженно-спокойные, казалось, принадлежали совсем другой эпохе. Снег, и камень, и блуждающие огоньки, завиток пара от кофе — в одиночестве Кэроу свободно плыла по течению будничных мыслей. Временами вспоминалась обида, и сердце внезапно пронзало болью, но она гнала прочь эти чувства, полная решимости покончить с ними.

В одной руке она несла стаканчик с кофе, другой придерживала борта норовившего распахнуться паль-

то. На плече висел портфель, с какими ходят художники, а волосы — распущенные, длинные, переливистосиние — покрывались ажурным узором снежинок.

Обычный день.

И вдруг... Рык, торопливые шаги сзади, резкий захват — чьи-то руки прижали ее к широкой груди, рванули шарф, и она почувствовала зубы — зубы! — у себя на шее.

Преследователь *покусывал* ее.

Стало противно. Она попыталась вырваться и не расплескать при этом кофе, но часть напитка все же пролилась на грязный снег.

— Боже, Каз, отстань! — взмолилась Кэроу.

— Как ты меня узнала?

Свет фонаря мягко освещал холеное лицо бывшего бойфренда. «Дурацкая красота, — думала Кэроу, отталкивая его. — Дурацкое лицо».

— Кому еще такое придет в голову?

Подобными выходками Казимир зарабатывал себе на жизнь, и его удручало, что на Кэроу они не действовали.

— Тебя не испугать, — пробубнил он и надул губы — перед таким выражением лица, по его мнению, устоять было невозможно.

Прежде она бы и не пыталась. Приподнялась бы на цыпочки и дотянулась языком до обиженно выпяченной губы, неторопливо облизала бы ее, захватила зубами и растаяла в томном поцелуе, как согретый солнцем мед.

Те дни давно прошли.

— Может, ты просто не страшный, — бросила она и пошла дальше.

Каз, засунув руки в карманы, догнал ее и пристроился рядом.

— Что значит — не страшный? Как я рычу? А как кусаюсь? Кого угодно хватит удар. Просто у тебя ледышка вместо сердца.

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Мы с Йозефом открываем новую экскурсию — «Вампиры Старого города». Туристы на нее поведутся.

«Еще бы», — подумала Кэроу. Туристы выкладывали хорошие деньги за эти блуждания в ночи по хитросплетениям пражских улочек с остановками в местах предполагаемых убийств, где из дверей внезапно выскакивали «привидения» и нагоняли на них страху. Она сама несколько раз играла роль такого привидения — держала в поднятых руках окровавленную голову и стонала до тех пор, пока вопли неподдельного ужаса не переходили в смех. Забавно.

Раньше с Казом было весело. А теперь — нет.

— Удачи тебе, — произнесла она ровным тоном, не повернув головы.

— Ты могла бы поучаствовать, — не унимался Каз.

— Нет.

— Сыграла бы сексапильную вампиршу...

— Нет.

— Мужиков сводила бы с ума...

— Нет.

— Надела бы свой плащ...

Кэроу замерла.

— Ты ведь его не выбросила, нет, зайка? Никогда не видал ничего прекрасней — черный шелк на бледной коже...

— Заткнись, — прошипела она и остановилась среди Мальтийской площади.

«С ума сойти, — думала девушка. — Какая глупость — влюбиться в ничтожного, смазливового улич-

ного актера, оставить ему такие воспоминания. Поражительная глупость. Исключительная».

Каз приготовился стряхнуть снежинку с ее ресниц.

— Только тронь, и я выплесну кофе тебе в лицо.

— Тпру, тпру, моя резвая Кэроу. — Он опустил руку. — Когда ты перестанешь взбрыкивать? Сказал же, я сожалею.

— Вот и сожалею. Только в другом месте.

На чешском — не родном для нее языке — она говорила ничуть не хуже Каза.

Он вздохнул, раздраженный тем, что Кэроу так и не приняла извинения. В его сценарий это не входило.

— Да будет тебе! — уговаривал он грубоватым и вместе с тем бархатно-мягким голосом, каким часто поют блюзовые исполнители. — Мы предназначены друг другу, ты и я.

Предназначены. Кэроу всей душой надеялась, что если она кому-то и «предназначена», то не Казу. Она окинула взглядом прекрасного Казимира, чья неотразимая улыбка раньше действовала как зов, на который невозможно не откликнуться. Рядом с ним цвета казались ярче, чувства — острее. Вскоре обнаружилось, что ко всему прочему место это — рядом с ним — было еще и популярным, и другие девушки при случае с удовольствием его занимали.

— Пусть вампиршу играет Светла. Ей и учить эту роль не надо.

Каз смотрел страдальческим взором.

— Не нужна мне Светла. Мне нужна ты.

— Увы. Я — не вариант.

— Не говори так. — Он потянулся к ее руке.

Кэроу отпрянула, сердце опять кольнуло, несмотря на все старания заглушить чувства. «Не стоит, — твердила она себе. — Ни вот столечко не стоит».

— Это называется преследование. Понимаешь?

— Брось, никого я не преследую. Просто мне по пути.

— Ладно, — буркнула Кэроу. До школы оставалось рукой подать.

Художественный лицей Богемии — частное учебное заведение — размещался в розовом дворце в стиле барокко, знаменитом тем, что во время нацистской оккупации два чешских борца за независимость перерезали горло гестаповскому офицеру и его кровью вывели на стене слово «свобода». Ликование было недолгим — отважных бунтарей вскоре поймали и посадили на металлические наконечники ведущих во внутренний двор ворот. Теперь вокруг этих самых ворот слонялись студенты, курили, поджидали друзей. Но двадцатилетний Каз не был студентом и, насколько Кэроу знала, никогда не просыпался раньше полудня.

— Странно, что ты уже на ногах...

— У меня новая работа, — заявил он. — Рано начинается.

— Вампирские туры по утрам?

— Нет. Кое-что другое. Своего рода... разоблачение.

Он торжествующе ухмылялся. Не мог дождаться, когда она спросит, что за работа.

Не тут-то было.

Кэроу — воплощенная невозмутимость и спокойствие — ответила:

— Тогда счастливо! — И ускорила шаг.

— Неинтересно, какая работа? — крикнул он ей в спину. Ухмылка все еще не сошла с его губ — она чувствовала это по голосу.

— Нисколько, — отрезала девушка и вошла в ворота.

Лучше бы она спросила.

СВОЕГО РОДА РАЗОБЛАЧЕНИЕ

По понедельникам, средам и пятницам первым уроком у Кэроу стояло рисование с натуры. Войдя в студию, она увидела свою подругу Зузану, которая уже застолбила для них места — выставила мольберты поближе к подиуму натурщика. Кэроу скинула с плеча портфель, сняла пальто, размотала шарф и объявила:

— Меня преследуют.

Зузана вздернула бровь. Она была мастерицей вздергивать брови, чему Кэроу страшно завидовала — ее собственные брови не двигались порознь друг от друга и мешали в полной мере выражать недоверие и презрение.

Зузана строила и ту и другую гримасу в совершенстве, однако на этот раз бровь ее изогнулась мягко, что означало всего-навсего легкое любопытство.

— Неужели Болван опять пытался напугать тебя?

— Теперь он прикидывается вампиром. Цапнул меня за шею.

— Актеры... — проворчала Зузана. — Говорю же, давно пора угостить его электрошокером. Чтоб неповадно было набрасываться на людей.

— У меня нет электрошокера. — Кэроу не стала пояснять, что вполне может постоять за себя, не прибегая к электричеству. В ее арсенале были кое-какие иные умения.

— Так купи. Точно тебе говорю — за плохое поведение нужно наказывать. Заодно и повеселишься. Разве неинтересно? Мне, например, всегда хотелось обработать кого-нибудь электрошокером. З-з-з! — Зузана притворно забилась в конвульсиях.

— Нет, маленькая садистка, вряд ли это весело, — покачала головой Кэроу. — Какая ты все-таки жестокая!

— Не я жестокая. Каз жестокий. Надеюсь, тебе не нужно напоминать? — Она испытующе посмотрела на Кэроу. — Ты ведь не собираешься прощать этого лузера?

— Нет, — заверила Кэроу. — Вот бы еще он это понял.

Каз был не в состоянии постичь, как девушка может отказаться от общения с ним — таким неотразимым парнем. А Кэроу только укрепила его самомнение: все проведенные с ним месяцы она смотрела на него сквозь розовые очки влюбленности, отдавала ему... все. Теперь его домогательства представлялись ей плодом ущемленной гордости. Ему во что бы то ни стало хотелось доказать самому себе: он получит все, что ни пожелает. И принимать решения будет только он.

Пожалуй, Зузана права. Стоит проучить его электрошокером.

— Альбом! — скомандовала Зузана, протянув руку, как хирург за скальпелем.

Лучшая подружка Кэроу, несмотря на свою миниатюрность, обожала верховодить. В сапогах на плат-

форме она едва дотягивала до пяти футов, и хотя рост Кэроу был лишь на шесть дюймов больше, на фоне Зузаны она казалась гораздо выше — как кажутся высокими балерины. Нет, балетом Кэроу не занималась, но походила на балерину — впрочем, только изяществом фигуры. Не часто встретишь балерину с ярко-синими волосами и украшенными множеством татуировок руками и ногами.

Пока она доставала из портфеля альбом, взорам окружающих открылись лишь две татуировки, выколотые на запястьях как браслеты, — по одному слову на каждом: «правда» и «вымысел».

Двое студентов, Павел и Дина, подошли ближе. Альбомы Кэроу были в школе предметами культа: их передавали из рук в руки, ими ежедневно восхищались. Сегодняшний — девяносто второй в серии длиною в жизнь — был перевязан резинками, и стоило только Зузане снять их, как он раскрылся: каждая страница с таким слоем грунтовки и краски, что переплет, казалось, не выдержит тяжести и развалится. Альбом развернулся веером, на страницах замелькали фирменные персонажи Кэроу, блистательно изображенные и очень странные.

Среди них — Исса, женщина-змея с обнаженными полушариями груди, как на резных иллюстрациях к Камасутре, с ангельским лицом, но с капюшоном и ядовитыми зубами кобры.

Ссутулившийся Твига с шеей жирафа, в прищуренном глазу — линза ювелира.

Ясри с клювом попугая и человеческими глазами. Из-под платка выбились оранжевые кудряшки, в руках — блюдо с фруктами и кувшин с вином.